

УДК 811.161.1'373
ББК Ш141.12-32

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Л. Е. Бессонова
Симферополь, Россия

L. E. Bessonova
Simferopol, Russia

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

FOREIGN BORROWING IN POLITICAL VOCABULARY OF EARLY XX CENTURY

Аннотация. В статье рассматриваются языковые процессы, связанные с формированием политического словаря начала XX в. Отмечаются особенности в развитии политической лексики как одной из лексико-семантических подсистем русского языка. Анализируются основные теоретические положения отечественных лингвистов о влиянии социокультурных факторов на основные тенденции возникновения и закрепления иноязычных слов в лексикографических источниках и политических дискурсивных практиках. На основании иллюстративного материала определяется содержание семантической структуры слов-заимствований, выявляется «стабильность» семных конкретизаторов 'идеологический' и 'политический', которая и обуславливает гибкость семантики политического слова.

Abstract. The article considers linguistic processes which are associated with the composition of the political vocabulary of the early XX century. It reveals the peculiarities in the development of the political lexis as one of the lexico-semantic subsystems of the Russian language. The article also analyzes the main theoretical findings of Russian linguists on the influence of socio-cultural factors on the main tendencies of the origin and fixation of foreign words in lexicographical sources and political discursive practices. The author defines the content of semantic structure of borrowed words, states the "stability" of their component specifiers "ideological" and "political". This "stability" determines the flexibility of the semantics of the political word.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика; семантика; иноязычные слова; лексикография; семный конкретизатор.

Key words: socio-political vocabulary; semantics; foreign words; lexicography; component specifier.

Сведения об авторе: Бессонова Людмила Ефимовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания.

About the author: Bessonova Ludmila Efimovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Russian, Slavic and General Linguistics.

Место работы: Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь).

Place of employment: Taurida National V. I. Vernadsky University (Simferopol).

Контактная информация: 295007, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4.
e-mail: lbessonowa@gmail.com.

Постановка проблемы. Лингвопрагматический подход к исследованию общественно-политической лексики, наметившийся в научных трудах лингвополитологов в последнее десятилетие, позволил выделить метод культурно-исторической диагностики как важное средство диахронического анализа политического словаря. Ключевые изменения в политической жизни общества привели к существенным изменениям общественно-политической лексики во всех сферах ее функционирования, что породило потребность выявления структурно-семантических особенностей языковых единиц. Исследования лингвистов начала XX в. дают возможность зафиксировать возникновение в языке новых слов общественно-политического содержания, описать развитие семантики данных лексем и трансформацию нейтральных слов в единицы политического словаря, проанализировать данную лексику с точки зрения влияния на нее изменений общественной жизни, установить основные

тенденции развития иноязычных заимствований в общественно-политической лексике газетных текстов начала XX в.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения процессов и явлений, связанных с общественно-политической лексикой конца XIX — начала XX в., значимостью рассмотрения как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов, определяющих динамику семантических процессов внутри общественно-политической лексики. В политической диахронической лингвистике на первый план выдвигаются проблемы, связанные с установлением временных рамок развития политического словаря, определением его тематических границ с учетом временного фактора и лексикографического представления вербального политического пространства.

Цель статьи — описать процесс динамики иноязычных заимствований в общественно-политической лексике как одной из

лексико-семантических подсистем русского языка начала XX в. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) охарактеризовать влияние исторических процессов начала XX в. на освоение иноязычных заимствований в общественно-политическом словаре; 2) определить место и специфику отражения данных языковых единиц в лексикографической практике рубежа веков; 3) выявить семантико-прагматические особенности реализации иноязычных заимствований в газетных текстах начала XX в.

Процесс заимствования как один из ключевых лингвистических процессов является основой научной дискуссии первых десятилетий XX в. По мнению отечественных лингвистов того времени (Г. О. Винокура, А. Г. Горнфельда, В. М. Жирмунского, С. И. Карцевского, Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева и др.), большинство заимствований и новообразований вошло в состав русского языка в 90-х гг. XIX в., что было связано с развитием в России капитализма, революционного движения, с проникновением в страну и утверждением в ней западных политических, социально-экономических теорий и учений (*анархизм, анархист, буржуазия, бюрократия, демонстрация, демократия, кампания, интернационал, кворум, комитет, лозунг, мандат, манифестация, марксизм, митинг, муниципализация, провокатор, прокламация, пролетариат, пролетарий, социализм, социалист-революционер, социалист-демократ, террор, фракция, штрейкбрехер, экспроприация* и др.). Данные заимствования закрепились в политическом словаре и получили широкое хождение только под влиянием политических событий начала XX в. При этом степень усвоения отмеченных языковых черт до 1917 г., по мнению А. М. Селищева, была гораздо слабее послереволюционного периода: только после 1917 г. политическая коммуникация («язык революционеров») получила более интенсивное распространение в разных социальных слоях общества [Селищев 2003: 123]. Таким образом, факт революции определил семантическое содержание лексического объема и основные параметры политического языка. Как отмечает С. И. Карцевский в работе «Язык, война и революция», «социально-политический сдвиг, коренная ломка быта, новые факты жизни и исключительно эмоциональное к ним отношение со стороны по-новому дифференцированного общества — все это оставило глубокий след на русском языке, точнее на нашем словаре. Языковых новшеств накопилось так много, что некоторые наблюдатели уже

говорят о „революции в языке“» [Карцевский 2000: 217].

Рассматривая особенности функционирования словарного состава, С. М. Грановская подчеркивает необходимость сочетания синхронного описания лексического материала с диахронией языковых процессов. Анализируя словарный состав с позиции верхней и нижней границы его хронологического предела, лингвист развивает идею о переходных периодах, или «швах», которые и выявляют «зримые» границы между новым и предшествующим состоянием языка. На основании этого С. М. Грановская приходит к выводу о том, что «тезис о разрыве между „старым“ и „новым“ состоянием языка, названный в лингвистике 20—30-х годов „революционным взрывом“, оказался в известной степени преувеличенным: многие семантические и стилистические изменения возникли и укрепились уже в последние десятилетия XIX — начале XX вв.» [Грановская 2005: 382—383]. Как отмечается в научной литературе, к середине 10-х гг. XX в. «процесс активного проникновения иноязычной лексики в русский язык значительно ослабел и уступил место процессам перехода политических терминов из разряда узкоспециальных и социально ограниченных в разряд широкоупотребительных» [Загоровская, Есмеев 2008: 77].

По мнению С. И. Карцевского, в период 1914—1922 гг. роль заимствований стала совершенно иной: «Политический словарь уже сложился, новых заимствований стало немного, и относятся они большей частью к политическим вопросам, связанным с войной» [Карцевский 2000: 39]. Этим и объясняется тот факт, что в конце 10-х — первой половине 20-х гг. XX в. наблюдался активный процесс освоения иноязычных слов, заимствованных ранее русским языком. О. В. Загоровская замечает, что в первые десятилетия советского периода развития русского языка новые заимствования лексики политической сферы были весьма немногочисленны, что во многом объяснялось особенностями экономической и политической жизни страны. Исследователь подчеркивает, что в 20—30-х гг. на первый план выдвигались задачи реконструкции народного хозяйства и индустриализации — именно этот фактор определял особую значимость не общественно-политической, а прежде всего научно-технической и производственной терминологии [Загоровская, Есмеев 2008: 77]. Кроме того, как отмечается в исторической лексикологии, внимание к общественно-политической лексике в конце 1920-х — начале 1940-х гг., а также к изучению новых явлений в русском языке

послереволюционного времени ослабело в связи со стабилизацией языковой системы.

Применение принципа исторического подхода к описанию лексической группы «Политика», на наш взгляд, позволит объяснить динамические процессы как на этапе диахронии, так и в современном языке. Процессы, происходящие в лексической системе, являются основой формирования языка любого периода и оказывают значительное влияние на становление и развитие моделей коммуникации. Характеризуя современную политическую коммуникацию с позиции исторической парадигмы, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова утверждают, что нетрудно увидеть «много общего, а иногда и тождественного в поведении людей революционной эпохи (включая речевое), выявить некоторые закономерности и исторические инварианты в сфере социокультурной и языковой» [Китайгородская, Розанова 2003: 152].

Как показал анализ практического материала, политический словарь заимствованных слов начала XX в. не является однородным и делится на такие основные тематические группы, как *государство, политика, экономика*, которые включают в себя названия политических движений, течений, направлений (*империализм, капитализм, социализм, либерализм, марксизм*); названия общественно-политических групп и объединений (*оппозиция, коалиция, парламент, фракция*); наименования форм государственного устройства, организации власти (*республика, гегемония, монархия*); обозначения политических акций, действий (*агитация, демонстрация, реакция, митинг, манифестация*); названия документов (*декрет, декларация, петиция*); наименования членов и сторонников политических течений (*капиталист, социалист, либерал, марксист*).

В научных дискуссиях сегодня звучат размышления лингвистов о природе социально обусловленных языковых изменений, составляющих культурно-историческую основу коллективной памяти и коллективного сознания. По мнению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, «в событиях дня сегодняшнего можно видеть действие устойчивых моделей, организующих историю русской культуры на всем ее протяжении. Для России в переломные периоды в качестве механизма развития культуры характерно действие дуальной модели» [Лотман, Успенский 1994: 220]. Концепция, раскрывающая особенности функционирования устойчивых моделей культуры, позволяет изучать изменения в лексике на протяжении разных этапов: «...основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) ...

располагаются в двуполусном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны. Дуальность и отсутствие нейтральной аксиологической сферы приводило к тому, что новое мыслилось не как продолжение, а как эсхатологическая смена всего» [Там же: 221]. Таким образом, по мнению лингвистов, каждый новый этап развития языка предполагает изменение системы ценностей с переосмыслением их содержания и формированием новой политической парадигмы.

В лексикографических изданиях дореволюционного времени отмечаются как моносемантические заимствованные слова с терминологическим значением, так и лексические единицы с полисемантической расширенной структурой, но четкого разграничения между лексическими группами не наблюдается: при функционировании политических терминов в газетных текстах начала XX в. происходит детерминологизация семантики вследствие развития коннотативных контекстуально детерминированных сем с отрицательной эмоциональной оценкой. Справедливо замечание Е. И. Шейгал о том, что политический язык — это открытый ресурс, применяемый в манипулятивных целях, он побудителен, нацелен на оказание влияния, стимулирование и воодушевление адресата [Шейгал 2004: 22].

Одной из ключевых единиц политического словаря первого десятилетия является лексема *бойкот*. В «Словаре русского языка Императорской Академии наук» отсутствует существительное *бойкот*, но зафиксирован глагол *бойкотировать* с «социальным значением», который определяется так: «бойкотировать — 1) Выживать кого-либо из его имѣнія путем систематического уклонения арендаторовъ отъ всякихъ работъ на его землѣ и отъоказыванія ему какихъ-либо услугъ. 2) Вообще объявить кого-нибудь опальнымъ, стоящимъ вне общества и т. п. Англичане говорятъ даже: нельзя бойкотировать человеческую природу» [Словарь русского языка Императорской Академии наук 1895: 232].

Этимология связана с 1-м лексико-семантическим вариантом — ‘выживать из имения’. Во 2-м лексико-семантическом варианте бойкотировать — это ‘объявить кого-нибудь опальнымъ, стоящимъ вне общества’, в семантике слова актуализируется компонент ‘лицо’ (опальным является только конкретное лицо, которое изолируется от общества). Позднее происходит расширение сферы применения лексико-семантического варианта.

По «Толковнику политических слов и политических деятелей» (1917 г.) *бойкот, бой-*

котировать значит «прекратить съ кѣмъ либо всякія сношенія, не разговаривать, не продавать и не покупать у него ничего. Объявить мѣсто подъ бойкотомъ — сговориться никому не поступать на него и не давать другимъ поступать. Бойкотировать выборы, — значить отказываться отъ участія въ нихъ» [Толковник политических слов и политических деятелей 1917: 13]. Таким образом, бойкотировать — это 'прекратить съ кѣмъ либо всякія сношенія'. Происходит расширение значения, отмечается смешение различных сфер жизни ('не разговаривать' — бытовая сфера, 'не продавать' и 'не покупать' — экономическая сфера). При этом еще не наблюдается распространение явления на международные отношения (например, бойкот стран). Интересно заметить, что в «Толковнике политических слов» выделено устойчивое сочетание 'объявить мѣсто подъ бойкотомъ', которое функционировало прежде всего в сфере производства и было связано с ограничением на предоставление кому-либо работы. В словарной статье «Толковника политических слов» приводится иллюстрация 'бойкотировать выборы', указывающая на то, что данное слово начинает входить в общественно-политическую сферу. Только позже, в начале XX в., в газетных контекстах лексема *бойкот* приобретает значение экономических санкций. Можно сделать вывод о том, что на рассматриваемом этапе лексема *бойкотировать*, в отличие от *бойкота*, как политический термин еще не сформировалась.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова лексема *бойкот* определяется как «организованная общественная борьба с кем-н., с каким-н. лицом, учреждением путем его систематического игнорирования. Объявить бойкот кому-н. Подвергнуть кого-н. или что-н. бойкоту. Бойкот японских товаров в Китае. || перен. Систематическое игнорирование (разг.)» [Толковый словарь русского языка: 69]. Этимология слова «бойкот», как указывается в исторических источниках, восходит к имени англичанина Boycott, к которому в 1880-х гг. впервые была применена мера борьбы со стороны арендаторов. Только в этот период данная лексема начинает активно функционировать в текстах как политический термин. Компонентный анализ позволяет определить *бойкот* как 'борьбу' (основной идентификатор) при выделении семных конкретизаторов 'организованная', 'общественная'. При компонентном анализе отмечаются идеологизированные семные компоненты 'организовать' 'общество' или 'часть общества' на 'борьбу' с кем-либо/с чем-либо; эксплицитно

выражен объект 'борьбы' — 'лицо', 'учреждение', 'закон' — и способ борьбы — 'путем' 'игнорирования'. В семантической структуре слова заложен и интегральный признак 'систематический', который является важным для определения характера отношений между субъектами. Данная сема отражается и в лексеме, зафиксированной в «Словаре русского языка Императорской Академии наук»: 'систематическое уклонение', но ее употребление ограничивалось сферой аграрных отношений [Словарь русского языка Императорской Академии наук 1895: 232] В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова отмечаются устойчивые выражения 'объявить бойкот кому-н.', 'подвергнуть кого-н. или что-н. бойкоту' [Толковый словарь русского языка: 69].

Газетные тексты начала XX в. доказывают, что сфера действия лексем *бойкот*, *бойкотировать* связана не столько с производственной и экономической, сколько с политической и общественной жизнью. Широко развиты синтагматические отношения, которые проявляются в сочетаниях субстантивного типа *бойкот греков*, *бойкот евреев*, *бойкот России*, *бойкот всего русского*, *бойкот американских товаров*: *Бойкот греков продолжится* (Русское слово. 1910. 1 июля (18 июня)), ...*происходят митинги китайцев по поводу бойкота России* (Новое время. 1912. 29 (16) нояб.); *места под бойкотом: Места работниц под бойкотом* (Правда. 1912. 18 (5) авг.); *объявление бойкота, требование бойкота: Ораторы требовали объявления бойкота всем иностранным товарам, Требование бойкота иностранных товаров* (Московская Газета Копейка. 1912. 10 июля (27 июня)); глагольные сочетания: *бойкот продолжается, считать под бойкотом, объявить бойкот, примкнуть к бойкоту, бойкот производится, бойкот вспыхнул*; синтаксические конструкции «бойкот выражается в том, что...», «бойкот связан с тем, что...»: *Газеты объявили бойкот выставке, дружно поддержанный польским обществом* (Русское слово. 1912. 29 (16) мая); *Бойкот выражается в том, что спектакли и концерты с участием наших артистов проходят при пустом зале* (Петербургская газета. 1911. 29 (16) дек.), *Бойкот производится под вдохновением кругов, близких к комитету „Единение и прогресс“* (Русское слово. 1910. 1 июля (18 июня)), *Еврейское население примкнет к бойкоту* (Русское слово. 1910. 1 июля (18 июня)), *Бойкот японских товаров вспыхнул с новой силой* (Русское слово. 1908. 13 нояб. (31 окт.)). В текстах газет первого десятилетия XX в. актуализируется и образный кон-

нотативный микрокомпонент: 'бойкот вспыхнул', 'бойкот назрел', 'бойкот разгорелся' — с усилением выразительности и проявлением признака в большей степени, 'с новой силой', что свидетельствует о широком потенциале семантической структуры слова. При этом нетрудно заметить низкую активность атрибутивных характеристик в синтагматических отношениях (сравним данную лексему в текстовых реализациях газетного дискурса начала XXI в.: *бойкот политический, экономический, торговый, международный, личный, полный, строгий, суровый, жестокий, вежливый* и др.).

Важно отметить, что для лексемы *бойкот* характерны слабые эпидигматические связи. В газетных контекстах встречается только глагол *бойкотировать*, существительное *бойкотист* и прилагательные *бойкотистский, бойкотный*: *Американцы начали бойкотировать русских артистов...* (Петербургская газета. 1911. 29 (16) дек.), *Жители бойкотируют солдат за насильственное удаление* (Новое время. 1912. 19 (6) июля), *Суфражистки на митинге предложили женщинам бойкотировать английские курорты* (Русское слово. 1912. 31 (18) марта); *Пресловутый руководитель бойкотистов арестован* (Русское слово. 1910. 1 июля (18 июня)), *Китайцы-бойкотисты взяли из русско-китайского банка вкладов на 220 тысяч* (Новое время. 1912. 13 дек. (30 нояб.)), *Бойкотисты, в числе которых был бывший депутат, тщетно пытались убедить собрание в справедливости своего взгляда* (Русское слово. 1907. 26 (13) июня); *„Бунд“ противится бойкотистскому течению и в первой стадии выборов выступит самостоятельно* (Русское слово. 1907. 13 июля (30 июня)); *Бойкот русских товаров, трамвая, магазинов, русских извозчиков, мелких торговцев — демонстративен. Он происходит дружно. Трамваи пусты* (Рулъ. 1911. 4 дек. (21 нояб.)); *На этом же заседании постановлено издать памятную книжку города Петербурга. В этой книжке будут подразделены: врачи, адвокаты, аптеки, торговля и т. п. на русское и еврейское. Книжка предназначена для „русских“ людей в целях бойкотирования евреев* (Петербургская газета. 1911. 27 (14) сент.). В производных словах отмечается оценочный пейоративный микрокомпонент (если бойкотист, то 'пресловутый'; депутаты 'противятся' бойкотистскому течению, партия 'не принимает' бойкотистских взглядов), который позволяет определить негативный характер обозначаемого понятия. Функционируя в значении «отказ от чего-либо», слово в контекстных употреблениях легко входит в парадигмати-

ческие оппозиции: *бойкот — воздержание, бойкот — игнорирование, бойкот — давление, бойкот — забастовка, бойкот — саботаж, бойкот — борьба*: *Телефонный бойкот, названный у нас забастовкой абонентов, продолжается. Абоненты настаивают на уменьшении платы до 60 руб. в год* (Одесский листок. 1914. 1 февр. (19 янв.)).

Интересным является тот факт, что оппозиция *бойкот — санкции* является антонимичной, так как в лексикографической практике конца XIX — начала XX в. слово *санкции* как термин имело только позитивное значение с семами *разрешение, одобрение*: *Сеймовый избирательный закон в Галиции получил санкцию императора Франца-Иосифа* (Новое время. 1914. 11 июля (28 июня)); *Закон, регулирующий отношения Ватикана к итальянскому государству, по мнению ватиканских кругов, обязательно должен получить международную санкцию* (Русское слово. 1913. 3 дек. (20 нояб.)); *Хотя Франция уже послала в Марокко эскадру, но она идет пока без санкций других держав относительно дальнейших шагов* (Русское слово. 1907. 3 авг. (21 июля)).

Результаты структурно-семантического анализа ключевого слова *бойкот*, проведенного на материале лексикографического и газетного дискурса, убедительно доказывают необходимость выявления в семантической структуре коннотативного макрокомпонента с эмотивными и оценочными составляющими, что является важным фактором в организации лексико-семантического поля «Политика».

Теоретические исследования лингвистов послереволюционного периода объясняют причины возникновения и тенденции развития иноязычных заимствований в политической лексике на материале лексикографических источников и газетных текстов, что позволяет проанализировать семантические процессы в структуре слова, происходящие вследствие переориентации номинаций или смены идеологических коннотаций. Важным положением в работах данного исторического периода было описание значимости влияния социальных факторов на формирование статуса и коммуникативно-прагматического потенциала идеологизированного компонента как составной части семантической структуры политического слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грановская Л. М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: очерки — М.: Изд-во ЭЛПИС, 2005.
2. Загоровская О. В., Есмеев С. А. Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика

и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 74—82.

3. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. — М. : Языки русской культуры, 2000.

4. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 151—239.

5. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Избр. тр. — М. : Гнозис, 1994. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 219—254.

6. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1919—1926). Изд. 2-е, стер. — М. : ЕдиториалУрСС, 2003.

7. Словарь русского языка Императорской Академии наук. — СПб., 1895. Т. 1 : А—Д.

8. Толковник политических слов и политических деятелей. — Петроград : Освобожденная Россия (Гостип.), 1917. № 19.

9. Толковый словарь русского языка : ок. 30 000 сл. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2008.

10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Г. Ю. Богданович.